

ИЗВЕСТИЯ

Известия - 1992 - 4 апр - с. 6

Андрею Тарковскому — 60 ОН МЕЖДУ НАМИ ЖИЛ

От Андрея Тарковского у меня сохранилось несколько годовых поздравительных открыток и всего одно (предлагаемое для печати) письмо, с оказией переправленное из Москвы в Вашингтон, где я был тогда корреспондентом «Известий». Сохранилась и память о встречах в Москве. Их было много — с середины 60-х годов, когда нас познакомил Николай Владимирович Шишкин, работавший на Старой площади и в меру своих возможностей всегда хлопотавший за Андрея перед парт- и киноначальством.

Были застолья, семейные праздники и прогулки вдвоем. Иногда назначали свидания у памятника Пушкину, однако не помню, чтобы он хоть раз зашел в «Известия». Для полуопального художника наш газетный дом был разновидностью казенного дома.

Тарковский жил в диапазоне вечности, но даже таким разве дано разглядеть будущее в деталях? Мог ли бы он представить известинский кинофестиваль в честь своего шестидесятилетия?

Когда я думаю о нем, мне видятся не его картины (он избегал говорить — фильмы), а он сам, Андрей, его испытующий, искося, взгляд, ранние резкие морщины лица, щеточка жестких усов и манера то ли погла-

живать, то ли подергивать их. Его нервичность и естественность, высокая простота. Он был мучительно цельным человеком. В разговорах поражали его ум и проницательность, как в картинах — образы прекрасного. Жил он со своей семьей бедно, но, разумеется, вещи, присутствовавшие в квартире, выражали вкус. Редко говорил об отсутствии достатка, но чувствовалось, что мизерная оплата высокохудожественного, признан-

ного в мире труда угнетала его, оскорбляла достоинство.

Тарковский считал тогдашние наши порядки неестественными, временными, не принимал их. Но, увы, не в его силах было отделить их от родной земли. Угнетающие, унижающие порядки были даны ему временем и местом рождения вместе с родной землей и великой русской культурой в «принудительном ассортименте», определившем его судьбу.

Узнав об известинском фестивале современного киноискусства «Памяти Андрея Тарковского», москвич инженер Сергей Федорович Лашков позвонил в редакцию и принес свои снимки 1951 года. Десятиклассники 554-й школы на сцене Дома молодежи на Полянке играли пьесу Е. Петрова «Остров мира». Андрей — в главной роли, Андрей — художник спектакля.

Обаятельный красавец во фраке — это Андрей Тарковский.
Фото С. ЛАШКОВА.

Бельгии, во Фландрии, в Париже. На этот раз меня ошеломила живопись. Мне повезло: в Генте и Брюгге я видел Мемлинга, Ван-Эйка, Брейгеля, Ван Гога.

В Париже на меня навалился Луврский Латур, французы времени Делакура, или Учелло («Битва»). Ты как журналист, верно, против однобокости, специфичности. Мне же кажется, что способность отклониться от объективности и точности такого срез «делает возможным уловить связи твои с чужим городом или

страной. Связи, которые обогашают тебя, или, на худой конец, объясняют тебя самого и себе и другим.

Раньше мне казалось, что Новое формирует меня, вытягивает из меня новые возможности, деформирует и развивает. В конструктивном смысле этого слова. А сейчас нет. И впечатления сталкиваются во мне, словно в какой-то игре, суть которой — бесконечный обмен, размен (вроде шашек или шахмат), в результате которого твоя информация сводится к нескольким, более или менее выпуклым, впечатлениям, которые как бы доказывают тебе твою правоту по тому или другому поводу. То есть какая-то дикая схо-

Он и жил для того, чтобы осуществить свой талант, свое призвание художника, творца. В силу самой природы кинематографа он должен был работать с государственной кинобюрократией и на пути к зрителю пробивать свое видение жизни через бетон чуждой ему государственной идеологии. На своей земле, при тех порядках это были поистине Страсти по Андрею — от «Рублева» до «Сталкера». Когда он уехал на время, а вышло — не по его вине — нас всем, это тоже стали Страсти по Андрею: исполнение приговора ценой разлуки с родной землей. Наверное, от этого он так рано и так трагически ушел.

Остается гадать, чтобы он думал о нынешних временах надежд и отчаяния, свободы и смуты, нового падения нравов. Андрей Тарковский, которого мы знали, при отсутствии внешней торжественности и какой-либо позы вероучителя был углублен в таинства жизни и начисто лишен «бессмертной пошлости людской» (по выражению Тютчева), той новой суетности, которую востребовало новое время.

И то сказать, не для легкой жизни — для духовного подвига являются такие люди.

Станислав КОНДРАШОВ.

ластика, где ты наперед знаешь и не веришь в чудеса, способные изменить твоё отношение к действительности. Грубо говоря: сколько бы ни накапливалось сведений, впечатлений, мыслей, вплоть до образов прекрасного — все обесмысливается тем, что все это не способно изменить меня самого. Есть нечто, что способно меня изменить, сдвинуть, потрясти: это чудеса. А с чудесами сейчас сам знаешь. Не густо!

У нас морозы. Наконец-то зима похожа на зиму, хотя первый снег выпал значительно позже наступления Нового года. Грипп сразил нашу семью, и сейчас в ней больны все — не дом, а лазарет. Видно, все оттого, что мы отвыкли от настоящей зимы. Ну да, я думаю, все обойдется.

Из моей поездки в Штаты ничего не вышло — в это время я был в Париже, где на 12 минут сокращал «Солярис» для французского проката. В Нью-Йорк же и Чикаго ездил с «Солярисом» Баннионис и рассказывал, что просмотр прошел успешно. Слышал ли ты об этом что-нибудь?

Твой Андрей ТАРКОВСКИЙ.

23 янв. 73
Москва

Дорогой Стас!

Пользуюсь оказией и пишу тебе в надежде, что и ты черкнешь несколько слов в ответ.

Что у тебя нового? Кроме Нового года, с которым я и Лариса поздравляем и тебя и Клару и сыночка. Дай-то Бог, чтобы этот год стал для тебя самым спокойным и радостным.

Я часто вспоминаю тебя и наши беседы.

К сожалению, я плохо знаю современное Американское кино, а то посоветовал бы тебе заняться изучением контраста между американским кассовым и так называемым «подпольным» нью-йоркским кино (Рагозин и проч.). Это интересно со всех точек зрения.

Я пока сижу у моря и жду, когда меня «разрешат», чтобы я мог начать новую картину.

Надеюсь, что не так уж долго ты пробудешь в Штатах. Твой прошлый приезд был полон забот и жаль, что нам не удалось поболтать. Ну да все впереди.

За это время я побывал в